

Алёна КУБАРЕВА

ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ В БЛАГОДАТИ СТОЯЛИ НЕМЦЫ...

Вторую неделю в Благодати¹ стояли немцы. И вторую неделю Дарья сидела в насквозь промёрзшем² погребе. Пряталась.

Ей было чего опасаться. Четверо сыновей служили на фронте. Четверо богатырей. Трое коммунистов, один — комсомол.

Колька, Володька, Ляксей... И младший, Борис. Красавец. Первый гармонист. Как затянет колхозную кадсель: «Три-та-ти — дри-та! Три-та-ти — дри-та!» — все девки в пляс. Пойдёт играть ямочками на щеках — ни одна не устоит...

Дарья — из городских, из тульских. Родители умерли. Воспитали чужие. Пятнадцать лет минуло — отправили в деревню. Замуж. В городе её, бесприданницу, никто не брал.

Дарья сначала никак не могла привыкнуть. Всё из рук валилось — ничего не умела. Но главное — не рожала долго. Ей и кличку дали — Дашка-нерождёха.

А потом, после двадцати — пошло, пошло!.. Одного за другим — Маньку, Кольку, Володьку, Ольгу, Ляксея, Бориса, Клавдю. Все выжили. Андрей — муж — бранился:

— Куда ж ты мне — прорву?! Как кормить?! — а то ещё ревновал; выпьет: — Энти — мои, на меня похожи. А энтот, — кивает в сторону Бориса, — не знаю чей! Чернявый чёрт! Армяшка! Говори, от кого прижила! Не то!..

— Как это — Борис не твой?! — закусьвала губу от обиды. Молодая была, глупая — оправдывалась. А оправдываться — хуже нет.

— Ага-а! — заносил Андрей руку. Забывал, что цыган по отцу.

Но Дарья скоро отвечать стала. Тяжёл кулачок оказался. Даром сама — два вершка.

...До войны Андрей не дожил. На фронт провожала одна. Всех четверых — в один день. Старшие попрыгали сразу в вагон. А Борис стоял перед ней на перроне, переминался с ноги на ногу. То краснел, то бледнел. Усы не отросли. Восемнадцать только. Дарья больше всех его оплакивала — ещё живого...

... — Мама-ань!

Это Манька. Поесть принесла. Одна Манька в погреб и ходит. Одна не боится.

Дарья мгновенно вскипятилась — приготовилась ругать. Другие-то дочери — отмахнутся, а то и матюкнутся в ответ. Манька — кисель, тихоня. Таковую грызть — одно удовольствие. За всё. За войну. За холод. За сыновей...

Дарья и жалела её. Маньке — двадцать седьмой. И так-то охотников взять за себя мало, а ещё — война... И всё ж не могла злобно не шикнуть:

— Ах, паралик ты расшиби! Чего орёшь-то! Немцы ж кругом! — смягчилась: — Весточки нет?

— От кого, мамань? — Манька уж спустилась. Аккуратно идёт. Уточкой. Пол земляной — скользкий, а она крынку несёт — молока матери достала.

— Дура ты стоеросовая! От Бориса! Хм-м... — поперхнулась. Стыдно одного младшего любить. — От Кольки, Володьки. От всех!

— Не-е, — Манька горестно вздохнула, поставила крынку на колченогий табурет. Сама села на перевёрнутое ведро.

Дарья взяла крынку, отхлебнула. Вку-у-сно!.. Всё, всё до капли выпила.

— Стреляли сёдни?

— Стреляли.

¹ Благодать — деревня в южном Подмосковье, Серебряно-Прудский район.

² Начало действия — 4 декабря 1941 года; тогда резко похолодало — до минус 30 градусов.

— Далёко ль?

— Далёко пока, — Манька, потупившись, ковыряла передник. — Оттель, — махнула в сторону Каширы.

— А кто стрелял-то?

— Почём я знаю! — Манька смутилась, покраснела. Будто одна и виновата, что никак свои Благодать не отобьют.

Летом, как враги к Москве пошли, Маньку с другими девками отправили рыть противотанковые — под Дорогобужем. Говорят, их бомбили... Манька вернулась. Одна из немногих. Ничего не рассказала.

— Меня-то ищут? — прошептала Дарья.

— Ищут, — Манька снова занялась передником. — Комиссар ихний старшой всё ходит, спрашивает. «Во ист, — говорит, — Ташка? Ди муттер дер коммунистен? Вер загт — бекомт ди шоколаде тафель!» Жамки, значит, за тя предлагает.

— Во память! — удивилась Дарья. — Над-был ты тоже, как других, дальше учиться отдать, а то — только три года... А имя-то моё кто им сказал?

— Не знаю.

Помолчали.

— А что наши? Показывают? — нахмурилась Дарья.

— Показывают. Сгинула, мол. В болоте.

— Дурни! — невольно рассмеялась Дарья. — Где ж тут у нас болота?

Манька тоже улыбнулась, прикрыла рот ладошкой.

— Почём немцы знают — есть тут болота, нет? — озорно подмигнула.

— Ну, ты... Не регочи! — посерьёзнела Дарья. — Ещё сглазишь...

— Пойду я, — Манька зарделась, хватъ пустую крынку, метнулась к выходу.

— Да, — вернулась, опустила глаза. — Там, мамань... Клавдя на фронт собралась...

— Как это? — Дарья схватилась за сердце. — Девка ж!.. Куда?

— У Клавди немецкий — хорошо. Она энтим, — показала глазами на дверь, — переводила. «Не хочу, — говорит, — на фашистов работать. В разведку пойду...»

— Так поезда ж на фронт не... — оторопела Дарья.

— Она пешком.

Дарья — за голову. Про себя завыла. О-о-о! Война проклятая! Четырёх сыновей отдала — ещё и дочь требует?! Так детей не напасёшь!

Манькин тулупчик мелькнул у выхода. Высунулась, огляделась. Шась! Только дверь за ней закрылась — сдавленный визг.

Похолодела Дарья. «Видать...» Не додумала. В погреб ворвались трое. В серой мышастой форме.

«Конец, Эх, Манька!..»

— Ты есть Ташка?

Дарья встала, огладила юбку. Посмотрела прямо в белёсые ненавистные глаза.

— Я есть.

Короткий удар в переносицу. Дарья охнула, повалилась.

Спустя два дня немцы бежали. Побросали всё — танки, оружие, боеприпасы. Даже скотину. Она теперь — одуревшая, тощая — одиноко и голодно кричала на все голоса. В овраге — трупы.

...Немцы никого не подпускали. Манька уж издёргалась, изрыдалась — всё юлила, вывихливала перед охраной:

— Дайте маманьку схоронить! Битте...

Немцы смеялись, попыхивали «Экшгайном».

Один раз Манька уж почти подползла. Протянула руку...

— Halt! Zurück!¹

Дуло автомата. Круглое, ровное. Равнодушно-чёрное. Смерть.

...Их собрали в одном сарае. Человек двадцать. Из Мягкого, Дудина, Благодати. Кто чем провинился. Кто козу не отдал, кто хлеб прятал. Кто дочь защищал...

Сутки держали без воды. О еде — нечего и думать.

Всё бабы. Все молчат. Один только мужичонка. Колготился — вскакивал, подбегал к двери, прикладывал к прорехам губы, шептал: «Братцы!» Как молился... Потом — обратно. Руки потные о колени тёр. Вращал глазами, а то — суживал до змеиных щелей. «Тэ-тэ-тэ-тэ-э!» — пел ли, захлёбывался?

«Убогой», — думала Дарья.

— Энтот сдал когой-то, — сквозь зубы процедила Ганька Калгушкина; Дарья её знала — дальняя родственница по мужу. — Вот и места не находит.

¹ «Стой! Назад!»

С улицы доносилась песня:

*Ja, wir sehen uns in Berlin,
Nach Berlin geht unsere Reise!*¹

Дарья — ни слова по-немецки. Но догадалась, почуяла: гибель себе поют.
«Так вам, окаянные! Войте, кликайте беду! Вернётся!»

...На рассвете открыли дверь:

— *Nacheinander raus!*²

Никто не сдвинулся с места.

— *Komm schon, schnell! Komm raus!*³

Дарья поднялась первой. За ней гуськом — остальные. За порог. Прошли несколько шагов.

Сзади слышались крики. Дарья невольно оглянулась.

Мужичонка никак не хотел выходить. Плевался, вырывался. Вопил:

— Братцы, братцы!

Немцы его — прикладами по голове. После подхватили — поволокли.

Шли молча. Дарья смотрела под ноги.

— Даш!.. — Ганька догнала, хоть конвойный и вскинулся: «Halt!» Отмахнулась. — Помнишь, как Андрея хоронили?

Дарья помнила. Был июль. Жарило-парило всю неделю, пока лежал. А как помер — дождь полил. Сильный! Всю дорогу до кладбища развезло. Чернозём жирный, липкий. Так и хватал за ноги. Будто не хотел пускать.

Дарья взглянула вокруг. Морозное солнце поднялось. Снег розово-жёлто-голубой. А то — тёмно-синий, как глаза Андрея, когда молодой был...

Избы кончились. «К лоску идём, — догадалась. Лоск — напротив кладбища. — Вот и Андрей посмотрит...»

Поставили в ряд, спиной к обрыву. Десять убийц.

— *Achtung!*⁴

Дарья нахмурила лоб. Что-то соображала. Вдруг глаза — к небу.

Господи Боже!.. Всех люблю! Главное — никого не забыть!

Колька, Володька, Ляксея...

— *Feuer!*⁵

Борис...

¹ «Да, увидимся в Берлине! Да, в Берлин лежит наш путь!» (Перевод с нем. автора).

² «Выходить по одному!»

³ «А ну, живо! Выходи!»

⁴ «Внимание!»

⁵ «Огонь!»